СВЯТОЙ ДИОНИСИЙ АРЕОПАГИТ
О ТАИНСТВЕННОМ БОГОСЛОВИИ

СТИХИ НА СОЧИНЕНИЕ «О ТАИНСТВЕННОМ БОГОСЛОВИИ»

Блестки ума ты отверг и познание сущих оставил
Ради божественной ночи, чье имя не можно поведать.

* * *

О Дионисий! Свой ум напоивши реченьями Павла,
Всею душой потянувшись к лучам Божества трисиянным,
Имени Божия блеск несмеркающий людям ты кажешь.

Глава 1
ЧТО ТАКОЕ БОЖЕСТВЕННЫЙ МРАК

1. (997 A) Троица пресущественная, пребожественная и преблагая, наставница христианского богомудрия, возведи нас на сверхнепознаваемую, пресветлую и высочайшую вершину таинств Писания, где простые, неприступные и неколебимые глубины богословия (997 B) скрываются в ослепительном мраке сокровенно-та́инственного безмолвия, пресиятельно блистая в непроглядной тьме и преизобильно полня во всесовершенной неосязаемости и незримости озарениями пречистой красоты умы, отрешившиеся от чувственного зрения! Такою да будет моя молитва. Но и ты, возлюбленный Тимофей, в напряженном стремлении к та́инственным созерцаниям оставляй и чувства, и действия ума, и все осязаемое и мыслимое, и все существующее и несуществующее, чтобы в меру возможного непостижимо подниматься к единению с Тем, Кто над всякой сущностью и всяким постижением; ибо только в неудержимом, отрешенном и чистом исступлении из самого себя и из всего сущего (1000 A), все отстранив и от всего отрешившись, вознесешься ты к пресущественному лучу божественного мрака.

2. Только смотри, чтобы об этих вещах не улышал кто из непосвященных; так называю я людей, погрязших среди сущего, воображающих, будто над сущим нет ничего пресущественного, и мнящих собственным разумом познать Того, Кто «мрак сделал покровом Своим». И если Божие тайноводство выше разумения таких людей, то что можно сказать о еще менее посвященных (1000 B), обо всех тех, кто всепревосходящему Виновнику мира приписывает черты последних вещей мира и не видит, насколько Он отличается от изваянных ими безбожных и пестрых изображений, — когда о Нем как о Причине всего сущего следовало бы и высказывать и утверждать все без изъятия положительные суждения, какие могут относиться к сущему, и одновременно как о Превосходящем все сущее в более собственном смысле [1] отрицать все эти суждения, причем не думать, будто наши отрицания

© Перевод на русский язык В. В. Бибихина, 1990

противоположны утверждениям, но гораздо скорее считать Его, поднявшегося как над любым отрицанием, так и над любым полаганием, непричастным никакому лишению?

3. Недаром божественный Варфоломей называет богословие многосложным и вместе кратчайшим, а Евангелие — пространновеликим и вместе сжатым. (1000 C) Мне кажется, он великолепно показал этим, что благой Виновник всего сущего и требует многих слов о Себе, и вместе с тем может быть наименован в кратком слове, а то и невыразим в слове, ибо пресущественно превознесен над всем сущим и нет для Него ни слова, ни понятия. Неприкровенно и истинно является Он только тем, кто, перешагнув через все нечистое, как и чистое, и пройдя все ступени всех святых восхождений, оставляет все божественные светы, и гласы, и небесные глаголы и погружается во мрак, где, как говорят Писания, воистину пребывает Запредельный всему сущему. В самом деле, божественный Моисей не случайно получает повеление сначала самому очиститься, затем и от неочистившихся отделиться и только после всяческого очищения слышит громогласные звуки труб (1000 D) и видит множество огней, блистающих ясным и лучезарным сиянием; потом отдаляется от толпы и вместе с избранными священниками достигает высочайшей вершины божественных восхождений. Но и после всего он не сообщается с Богом и созерцает не Его Самого, Невидимого, а лишь место, где Он пребывает. Это, думаю, означает, что все самое божественное и возвышенное из созерцаемого и мыслимого нами есть некие предположительные догадки о том, что можно было бы приписать всепревосходящему Началу; (1001 A) через них знаменуется Его превысшее всякого разумения присутствие, реющее над умопостигаемыми высотами святых мест Его. Тогда только, отрешаясь от всего видимого и от органов ви́дения, посвященный погружается в поистине таинственный мрак неведения, в котором отсекает все свои познавательные восприятия и вступает в полноту неосязаемости и незримости, всецело принадлежа уже не себе или чему другому, но Тому, Кто запределен всем вещам мира. При полном бездействии всех познавательных энергий он лучшей своей частью соединяется с всецело Непознаваемым, через совершенное незнание чего бы то ни было обретая сверхразумное знание.

Глава 2
КАК НАДЛЕЖИТ И СОЕДИНЯТЬСЯ С ВСЕПРЕВОСХОДЯЩИМ ВИНОВНИКОМ ВСЕГО, И ВОСПЕВАТЬ ЕГО

(1025 A) Молитвенно желаем мы достичь того пресветлого мрака, видеть через невидение и незнание и познавать Превысшее всякого созерцания и познания через самую эту невозможность что-либо разглядеть или познать. В том и заключается воистину

видение, и познание, и пресущественное славословие Пресущественному через отстранение от всего сущего, (1025 B) подобно тому как ваятель, желая создать верное самой природе изображение, отнимает все помехи, заслонявшие чистоту сокровенного образа, и одним лишь этим устранением являет потаенную красоту, какова она есть. Причем, думается мне, при славословии через отрицание надо поступать обратно положительному славословию. В самом деле, при полагании мы начинаем от первейших свойств и через средние нисходим к низшим, при отрицании же, от низших совершая восхождение к изначальным, мы в конце концов отстраняем все, чтобы незамутненно познать то незнание, которое затемнено в среде сущего множеством познаваемого, и чтобы увидеть тот пресущественный мрак, который сокрыт всем тем светом, какой есть среди вещей мира [2].

Глава 3
ЧТО ТАКОЕ УТВЕРДИТЕЛЬНОЕ И ЧТО ТАКОЕ ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ БОГОСЛОВЕСТВОВАНИЕ

(1032 D) В наших «Богословских начертаниях» мы воспели основные истины утвердительного богословия (1033 A) и сказали, в каком смысле божественная и благая природа именуется единой, в каком — тройственной; что означает применительно к ней отцовство и сыновство и каково значение божественного имени Духа; как из невещественного и нераздельного Блага возникли средоточия благости — светы, которые не покидают своего, совечного своим воссияниям, пребывания в своем Начале, в самих себе и взаимно друг в друге; каким образом пресущественный Иисус осуществился во всей истине человеческого существа — эти и прочие предметы, явленные в Писании, воспеваются в «Богословских начертаниях». Затем в сочинении «Об именах Божиих» мы разъяснили, в каком смысле Бог именуется благим, в каком — сущим, в каком — Жизнью, Премудростью, Всемогуществом и прочими божественными именами из области умопостигаемого. А в «Символическом богословии» мы рассмотрели, какие прилагаются к Богу иносказательные именования, заимствуемые из чувственной области: (1033 B) что означают образы Божественного тела, что — его положения, части и органы, что такое места и красоты Божии, что — гнев, что — скорбь и негодование, что — опьянение и хмель, что — клятвы, что — проклятия, что — сон, что — бодрствование и все другие священные фигуры символического богоуподобления.

И, думаю, ты приметил, насколько позднейшие сочинения у нас многословнее первых. Поистине «Богословским начертаниям» и разъяснению Божественных имен надлежало быть более краткими сравнительно с «Символическим богословием», ведь

насколько возносимся мы мыслью к горнему, настолько же пресекается наша речь от умопостигаемых созерцаний. Потому-то теперь, погружаясь в сверхмыслимый мрак, мы обретаем уже не просто краткословие, но полнейшую бессловесность и немыслие. (1033 C) И в наших прежних сочинениях, где речь наша постепенно переходила от высших вещей к низшим, она по мере этого нисхождения делалась все более пространной; теперь же, восходя от низкого к возвышенному, она по мере восхождения становится все более сжатой, так что в конце восхождения вовсе онемеет, всецело соединившись с Неизреченным.

Только почему, скажешь ты, начиная полагать Божественные полагания от первейшего, отрицания о Боге мы начинаем с самых низших? Потому что, берясь высказывать положительные истины о Том, Кто превосходит любое полагание, мы в своих утвердительных догадках должны были идти от наиболее близких Ему свойств; тогда как в отрицательных суждениях о Превосходящем всякое отрицание следует начинать с отрицания свойств, наиболее далеких от Него. В самом деле, разве не будет Он скорее Жизнью и Благостью, чем воздухом или камнем [3]? И не скорее ли надо сказать, что Он не опьяняется и не гневается, чем что Он невыразим и немыслим?

Глава 4

О ТОМ, ЧТО ВИНОВНИК ВСЕГО ОЩУЩАЕМОГО НЕ ЕСТЬ, ПО ПРЕВОСХОЖДЕНИЮ [4], НИЧТО ИЗ ОЩУЩАЕМОГО

(1040 D) Мы утверждаем, что Виновник всего, превосходящий все сущее в мире, не будучи лишен ни бытия, ни жизни, ни слова, ни ума, не есть тело и не имеет ни образа, ни вида, ни качества, ни количества, ни объема; не занимает места; невидим и не имеет чувственного осязания; не ощущает и не имеет ощущаемых свойств [5]; не знает расстройства и волнения от обуревающих вещественных состояний; не бессилен, не подвержен чувственным превратностям; не испытывает недостатка в свете, ни изменения, ни уничтожения, ни деления, ни лишения, ни истечения; не есть Он и иная какая из чувственных вещей и ничего подобного им не имеет [6].

Глава 5

О ТОМ, ЧТО ВИНОВНИК ВСЕГО УМОПОСТИГАЕМОГО НЕ ЕСТЬ, ПО ПРЕВОСХОЖДЕНИЮ, НИЧТО ИЗ УМОПОСТИГАЕМОГО

(1045 D) Продолжая восхождение, скажем, что Он не есть ни душа, ни ум и не имеет ни воображения, ни мнения, ни рассуждения, ни помышления. Он и не слово, и не мысль, и ни высказать,

ни помыслить Его не возможно; Он ни число, ни порядок, ни величина, ни малость, (1048 А) ни равенство, ни неравенство, ни подобие, ни неподобие; Он ни бездвижен, ни подвижен, ни предается покою; Он ни обладатель силы, ни сам не есть сила, ни свет; Он не живет и не есть жизнь; не есть Он ни сущность, ни вечность, ни время; нет к нему мысленного прикосновения; не есть Он ни знание, ни истина; ни царство ни премудрость; ни единое, ни единство, ни божественность, ни благость, ни дух, как мы его знаем; Он ни сыновство, ни отцовство, ни вообще что-либо из ве́домого нам или какому-либо другому сущему; Он не есть ни что-то из несуществующего, ни что-то из сущего, и ничто сущее не знает Его, как Он есть, равно как и Он знает сущее, не насколько оно [всего лишь] сущее [7]. О Нем нет ни понятия, ни именования, ни знания; Он не тьма, не свет, не заблуждение, не истина; (1048 В) и вообще по отношению к Нему совершенно не возможны ни полагание, ни отрицание, но, совершая свои полагания или отрицания в отношении вещей, следующих за Ним, Его Самого мы не полагаем, не отрицаем. Ибо выше всякого полагания всесовершенная и единственная Причина Всего в мире, и над любым отрицанием возвышается всепревосходство Того, Кто совершенно отделен от всех вещей и запределен всему [8].

Примечания

[1] Κυρι ώτερον, т. е. отрицательное богословие имеет преимущество перед положительным; в конце своего пути богослов вступает в сосредоточенное молчание и экстатическое безмыслие. После Дионисия, таким образом, христианское богословствование могло уже считаться законченным; во всяком случае, было указано на его верхний и нижний пределы.

[2] Комментарий Максима Исповедника (PG 3, 1032 BC): «Это [высшее] незнание, говорит он, затуманено всем познаваемым во всем сущем, а [божественный] мрак скрыт всем тем светом, который разлит в сущем. Поэтому получается, что познание сущего и полагания в отношении Бога не раскрывают божественной непознаваемости и не являют, но скорее скрывают ее: ум не может заиметь здесь себе опоры и схватиться отсюда за что-либо умопостигаемое, но скорее ниспадает к несообразным помышлениям, разве что окажется очень тверд и сразу перелетит через чувственное. Под светом же, который в сущем, надо подразумевать не что другое, как знание сущего, насколько оно [всего лишь] сущее (τὰρντα ἤ οντα εστίν), с чем мы встретимся ниже (1048 А). Таким имеющимся в сущем светом и таким знанием сущего Божественное бывает скорее утаено: наука о природе сущего (των ὤντων ὀυσι ολογί α) настолько не помогает богословию, что даже вредит ему, низводя сверхприродное до свойственного себе, т. е. до соразмерного природе».

[3] Максим Исповедник (1040 BC): «Где, однако, Бог именуется воздухом и где камнем? Камнем — у Давида (Псалом 117, 22), как его и Господь истолковывает, когда говорит: «Разве вы не читали в Писании: Камень, который отвергли строители, тот самый стал во главу угла?» (Евангелие от Луки, 20, 17), и еще у Апостола: «Камень же был Христос» (I Послание ап. Павла к Коринфянам, 10, 4); а воздухом — согласно сказанному в Книге Царств: «И вот тонкий ветер, и там — Господь"» (III Книга Царств, 19, 22).

[4] Καθυηεροχήν, т. е. Всевышний не ощущается не потому, что не имеет чувственных свойств, а потому, что обладает всем в настолько полной мере, что уже перестает восприниматься чувствами.

[5] «Необходимым образом Отец [св. Дионисий. — *В. Б.*] предупреждает здесь читателя, чтобы в нижеследующих отрицаниях, когда он говорит: Виновник

всего и не тело, и не то, и не то», не подумалось, будто Божество совсем не существует, но богослов тут же предполагает у Него бытие; сказав: οὔτε ἀνούσι ος, обозначил бытие; ουτε ἄζωος — обозначил жизнь; οὔτε αλογος — обозначил слово; οὔτε ἄνους — обозначил ум. Здесь, таким образом, предположив у Него бытие, в последующем, когда говорит «не тело» и прочее, указывает, что бытие Его не такое, как у всего сущего, но сверхсущное; а просто не существующее будет безбытийным. И опять: не тело, но превыше всякого другого бытия, и бытиен, и сверхбытиен. Сказав же: не есть тело, отнимает и все телесное: безóбразен, и безвиден, и бескачествен, и бесколичествен. И не в каком-то месте, а все очерченное — в месте, коль скоро место определено охватывающим; божественное же, вездесущее и всенаполняющее не объемлется ничем. Опять же и невидим; и не имеет осязания, ибо неощущаем (все ощущения — вокруг ощущаемого); но и не ощущает (οὐδ αι σθανεται), ибо не воспринимает чувствами и не имеет органом ощущения. Не отягощаем страдательными состояниями и неподлежит, из бессилия, чувственным претерпеваниям. Не надобится Ему свет; не изменяется Он, не гибнет, ибо неизменен и бессмертен. Не подлежит делению, при том что три Его жизненачальные ипостаси пребывают и мыслятся самоипостасными. Ни лишению, ибо присущие Богу блага и сверхизобильны, и природны Ему. Ни течению не подвержен, ибо без истечения (ἀρρεύστως) рождается единородное Слово от Отца и нестрадательно исходит от Отца Дух Святой. Ни иное что из чувственного Он не есть и не имеет. «Есть» тут выражается через самостоятельно существующие вещи, т. е. „дух", „воздух", „камень"; „имеет" — через названные телесные качества».

[6] В переводе (отрывков) С. С. Аверинцева: «Причина всего, сущая превыше всего, не есть нечто лишенное сущности, или жизни, или разумения, или ума; не есть тело, не имеет ни образа, ни лика, ни качества, ни количества, ни толщи, не пребывает в пространстве, незрима и неосязаема, неощущаема и не ощущает. Она ничем не возмущаема и не тревожима, а равно и не волнуема какими-либо присущими веществу состояниями. Она не лишена силы, не подвержена чувственным случайностям, и свет ее не испытывает недостатка. Она не есть превращение, распад, деление, лишение, текучесть и прочие чувственные состояния и не подвержена им» (Антология мировой философии. М.: Мысль, 1969. Т. 1, ч. 2. С. 608—609).

[7] См. примеч. 2.

[8] В переводе С. С. Аверинцева: «Она [Причина всего] не принадлежит к несущему, но также и к сущему, и ничто из сущего не может ее познать, какая она есть, так же как сама она не может познать вещи, какие они есть. Для нее нет разумения, имени, познания; она не мрак и не свет, не заблуждение и не истина. Вообще относительно нее не возможно ни полагание, ни отрицание, ибо с нашими полаганиями и отрицаниями мы не полагаем и не отрицаем ее, ведь она превыше всякого полагания как совершенная и единственная причина всего и превыше всякого отрицания как избыточествование полной отрешенности от всех вещей, как сущая над всем» (Там же. С. 609).

ФЕНОМЕН ГОРОДА И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ XIX СТОЛЕТИЯ («Passagen-Werk» — Вальтера Беньямина)

В. А. Подорога

Одно время имя Вальтера Беньямина, мыслителя, близкого в 30-х годах к Франкфуртскому институту социальных исследований, было известно лишь узким кругам западноевропейской интеллигенции [1]. С опубликованием в 1955 г. двухтомника его из-

* © Вступительная статья В. А. Подороги, 1990